

Линнань лежал у самого края южных земель, отрезанный от северных краев огромным расстоянием. Императорские указы долетали сюда крайне редко, поэтому сразу две высочайшие воли, оглашенные государем Цзяньюанем одна за другой, всколыхнули заспанный уезд Шаоюань, наполнив его небывалым оживлением.

Первый указ предназначался генералу Сюэ Вэню и повелевал заложить верфь для военного флота. Известие это хоть и застало всех врасплох, но вполне укладывалось в рамки здравого смысла: старый гарнизон префектуры Нанькан давно пришел в полный упадок. Раз уж император Цзяньюань решил укрепить рубежи, то под началом такого опытного воина, как Сюэ Вэнь, дело это было обречено на успех.

А вот о втором указе стоило поговорить особо — это была щедрая награда уездному судье Шаоюаня!

Дары доставили спешно, силами Парчовых стражей. Золото и серебро мало кого могли удивить, но настоящим потрясением стал предмет, дарованный лично государем.

Что такое императорский дар?

Эту священную вещь подданному запрещалось передаривать или носить по собственному усмотрению. Её надлежало хранить в самом почетном месте и выказывать величайшее почтение. С этого дня любой, кто входил в здание уездной управы, должен был склониться не перед самым судьёй, а перед этим даром, олицетворявшим волю самого владыки Великой Чжоу.

—... Повелеваю принять, — дочитав указ, Парчовый страж благоговейно свернул шелковый свиток и протянул его Цзян Умяню. — Господин Цзян, примите высочайшую волю.

— Благодарю Его Величество за безграничную милость, — произнес Цзян Умянь и бросил едва заметный взгляд на Чжан Жуна.

Советник Чжан сразу всё понял. С вежливой улыбкой он сделал приглашающий жест в сторону посланника:

— Господин офицер, прошу вас, проходите внутрь. Наш Шаоюань славится своей удушливой жарой, а вы проделали столь долгий и изнурительный путь. Позвольте выразить вам наше почтение.

С этими словами он ловко вложил в руку стража плотный бумажный конверт.

Парчовый страж незаметно взвесил подношение на ладони. Сквозь его руки прошло немало подобных конвертов, и на ощупь он сразу определил: сумма была внушительной, никак не меньше ста серебряных ланов. В глазах офицера алчно блеснули искры.

Правду говорил цзунци: уезд Шаоюань после конфискации имущества мятежных богачей буквально ломился от серебра. Не зря он согласился на эту поездку!

Пока гостей провожали в залу, чтобы поднести им лучшее вино и яства, Цзян Умянь бережно перенес указ во внутренние покои. Поместив свиток рядом с императорским даром на почетный алтарь, он зажег три благовонные палочки и совершил глубокий поклон.

— Брат, Его Величество столь открыто осыпает нас милостями и велит генералу Сюэ основать флот... Неужели это прямой вызов Клану Хань? — Цзян Умянь не стал договаривать, лишь слегка обозначив свою мысль.

Се Сяо разделял его подозрения:

— Клан Хань прибрал к рукам власть всего два года назад, но за это время число ложных обвинений и несправедливых приговоров выросло стократно. Народ ропщет, так что рано или поздно... — в глазах Се Сяо на мгновение вспыхнул холодный, яростный блеск, но он тут же смягчился и дружески похлопал младшего брата по плечу. — Рано или поздно они поплатятся за содеянное. Теперь, когда у тебя на руках благословение государя, священный дар, а под боком — преданный Сюэ Вэнь, я могу больше не беспокоиться о твоей безопасности. А вот сам уезд Шаоюань...

Он окинул взглядом скромные стены управы.

—...уж больно он неказист.

Цзян Умянь остался бесстрастен. Ветхость уездного ведомства во многом была лишь прикрытием для чужих глаз, и его старший брат прекрасно это понимал, просто не упустил случая подразнить его.

Продолжая негромко беседовать, названные братья направились во внутренний двор.

Из-за угла как раз собирались выйти помощник судьи Чжоу Цюань и регистратор Ян Линь, но, завидев идущих, Ян Линь воровато отпрянул назад, увлекая за собой товарища.

Чжоу Цюань поморщился от досады. Он уже давно подумывал о том, чтобы порвать всякие связи с этим никчемным человеком и присягнуть на верность новому судье. Но Цзян Умянь был круглыми сутками занят делами уезда и почти не появлялся в управе, так что удобного случая выразить покорность никак не представлялось.

А Ян Линь всё пытался затащить его на свое тонущее судно. Но теперь, когда прогремел высочайший указ, стало ясно даже глупцу: пусть Шаоюань и затерян на окраине империи, он всё ещё лежит под сенью небесной благодати государя! Кого возвысить, а кого одарить — решает лишь император. И пусть этот пришлый судья родом с севера, а местные чиновники

втайне его недолюбливали, за его спиной теперь стоял сам повелитель Великой Чжоу!

К тому же, после появления новых плугов для заливных полей никто больше не смел косо смотреть на Цзян Умяня. Напротив, каждый мечтал снискать его расположение, надеясь, что господин судья проявит снисхождение и внесет их земли в списки на получение чудо-орудия в первую очередь.

Ян Линь трусливо проскользнул в комнату и едва не рухнул перед Чжоу Цюанем на колени, позабыв о всяком чиновничьем достоинстве:

— Брат Чжоу, ты всегда отличался мудростью и дальновидностью! Умоляю, спаси меня на этот раз!

Чжоу Цюань похолодел от недоброго предчувствия. Силой подняв приятеля с пола, он прикрикнул на него:

— К чему этот шутовской плач? Неужели ты разгневал господина судью?

Хотя Цзян Умянь и держал одного из них под фактическим домашним арестом в управе, а другого отправил осматривать разрушенные дома в самые глухие уголки уезда, он никогда не притеснял их. На содержание и еду выделялось достаточно средств, и никто не урезал их жалованье.

Из этого Чжоу Цюань сделал вывод, что новый судья безразличен к богатству. Будь он корыстолюбив, разве раздал бы он беднякам всё зерно и серебро, конфискованное у местных зажавшихся семейств?

Поэтому Чжоу Цюань рассудил, что служить под началом такого человека — не худшая доля. Он не обижал подчиненных по пустякам, не срывал на них злость и в случае беды брал удар на себя, хотя и слабости не прощал. Такого справедливого и строгого начальника днем с огнем не сыщешь!

Ян Линь хоть и был глуповат, но всё же понимал, какова цена ошибки, если перейдешь дорогу уездному судье:

— Судья Фан... Судья Фан Пин тайно искал со мной встречи, и я... я сглупил, поддался на его уговоры...

Пока несчастный регистратор тонул в раскаянии и лихорадочно соображал, как чистосердечно во всем признаться Цзян Умяню, чтобы сохранить хотя бы голову на плечах, названные братья в другом крыле управы тоже вели беседу о троих присланных из префектуры чиновниках.

Однако, в отличие от перепуганных заговорщиков, они устроились на кухне у семейного очага.

Причем кочегаром вызвался быть сам соправитель Се — утонченный, благородный муж, чьи изящные манеры казались совершенно неуместными в столь приземленной обстановке.

Держа в холеной руке простую кочергу, он привычным движением разворошил угли, заглянул в бурлящий котелок с ароматным бульоном и аккуратно подбросил туда кусок древесного угля.

Цзян Умянь тем временем ловко промывал свежих креветок. Он очищал их от панцирей, удалял головы и темные жилки, мелко рубил часть мяса для начинки, смешивал с мясным фаршем, а затем заворачивал в тонкое тесто, пряча внутрь каждого хуньтуня по целой сочной креветке. Один за другим аккуратные узелки ложились на присыпанную мукой доску.

— Чжоу Цюань пригоден для дела, — не отвлекаясь от работы, заговорил судья. — Пыл молодости в нём угас, он стал осторожен и склонен взвешивать каждый шаг, так что на него можно положиться в охране порядка. Ван Си глуповат, но исполнительен и честен, должность заведующего тюрьмой и архивом подходит ему как нельзя лучше. Но вот Ян Линь...

Тот мнил себя великим деятелем, но на деле не умел ровным счетом ничего. Даже простейшая перепись населения продвигалась у него со скоростью черепахи.

Чжоу Цюань давно догадался расспросить знающих людей, как правильно заполнять ведомости для оценки ущерба: у него в бумагах были четко расписаны и степень износа строений, и причины обрушений, и точное расположение каждого ветхого дома.

Ян Линь же, работая бок о бок с опытным советником Цзян Цю, даже не поинтересовался новыми методами ведения записей. Всё, что его волновало — сколько серебра удалось изъять при конфискации имущества и нельзя ли поживиться за счет казны. Обычный бездельник и взяточник.

Цзян Умянь почувствовал, как к горлу подкатывает раздражение, и нож в его руке опустился чуть резче, случайно разрезав очередную креветку надвое вместо легкого надреза на спинке.

Бросив быстрый взгляд на сосредоточенного брата у печи, судья с невозмутимым видом сложил две половинки вместе и как ни в чем не бывало залепил их в тесто.

Се Сяо не заметил этой маленькой уловки. Он со всей ответственностью подходил к обязанностям повара, следя за тем, чтобы томившийся всю ночь наваристый бульон не остывал и источал неповторимый аромат.

— Избавиться от него? — небрежно обронил он, словно речь шла о пустяке.

— Брат, не стоит разбрасываться людьми, — со вздохом возразил Цзян Умянь. — У меня и так не хватает рабочих рук. Когда генерал Сюэ соберет на него достаточно улик, мы оценим тяжесть его преступлений и отправим его на рудники — пусть искупает вину тяжелым трудом

на благо уезда.

Действительно, каторжные работы на медных и железных рудниках — лучшее наказание для подобных преступников.

Не будь шахты еще в процессе обустройства, Цзян Умянь давно бы выгнал туда всех обитателей тюремных камер, у кого хватало сил держать в руках кирку. Пусть бы трудились ради процветания Шаоюаня. Прокормить такую ораву бездельников уездной казне было непросто, и тратить драгоценное зерно на тех, кто и пальцем не ударил ради общего блага, казалось судье непозволительной роскошью.

Се Сяо покачал головой. Его младший брат оставался верен себе — бережлив до крайности.

Он был уверен, что за обед судья взялся самолично лишь по двум причинам: во-первых, здешние повара отродясь не пробовали готовить подобные изысканные блюда, а во-вторых, это позволяло сэкономить на жалованье кухарке.

Но тут в его голову закралось подозрение:

— Постой... Надеюсь, эти креветки ты не заставил ловить своих стражников в море?

Цзян Умянь удивленно поднял бровь:

— Брат, неужели я кажусь тебе настолько безумным?

Каким бы прижимистым он ни был, тратить драгоценное время обученных людей на рыбную ловлю он бы не стал. Куда выгоднее направить их на разработку рудных жил!

«Действительно, какой еще?» — мысленно усмехнулся Се Сяо.

В его глазах Цзян Умянь навсегда останется тем самым прижимистым юношей, который ради копеечной выгоды без зазрения совести перекопал изысканный сад их почтенного учителя Се Яньхана, чтобы насажать там обычную капусту!

Опустив порцию хуньтуней в кипящую воду, судья спокойно пояснил:

— Когда генерал Сюэ ездил с дозором в префектуру Цинчжоу, он купил их по дешевке — всего по три медных монеты за цзинь. Привез целых три корзины, теперь вся кухня ими завалена. Когда будешь уезжать, заberi одну с собой. Бульон из них выходит отменный, я и рецептом поделюсь.

В Великой Чжоу кулинарные книги ценились на вес золота.

Простые люди не думали о вкусе еды — редкие и дорогие приправы были им не по карману, порой не хватало даже простой соли и масла, так что питались они лишь бы утолить голод.

Богатые же дома имели доступ к любым заморским специям, а потому стремились превратить каждую трапезу в истинное пиршество для чувств. Иметь в семейной библиотеке редкие рецепты считалось признаком древнего рода, чьи традиции ковались веками.

В семье Се тоже хранилось немало секретных наставлений, но его младший брат будто сам был ходячим сборником тайных знаний. Куда бы его ни занесла судьба, он всюду ухитрялся находить диковинные вкусы.

Даже в суровых и диких краях Линнаня, откуда все бежали без оглядки, он сумел сварить восхитительный бульон. Едва отзвучали слова императорского указа, а этот человек уже хлопотал у плиты, замешивая тесто для хуньтуней, причем все приправы и начинка были собраны здесь же, в южных землях. Воистину, настоящее кулинарное чудо.

Се Сяо не стал вежливо отказываться и с благодарностью кивнул.

Устроившись за скромным столом, они принялись за еду, не прерывая беседы. По большей части говорил Се Сяо, рассказывая о торговых путях и поставках угля:

— На севере торговля ископаемым углем полностью поделена между влиятельными домами к северу от области Хуайнань. А вот к югу от области Цзяннань в каждом доме привыкли топить исключительно древесным углем.

Цзян Умянь аккуратно отодвинул палочками плавающие в пиале водоросли и подцепил сочный хуньтунь.

«Граница проходит ровно по области Хуайнань? Неужели это искусственный раздел рынка?»

— Именно так, — подтвердил Се Сяо. — Семья Ван из Цзиньчжоу и семья Ань из Хуэйчжоу заключили тайный союз и полностью подчинили себе торговлю древесным углем в южных краях. Почти три четверти всех поставок в богатые усадьбы идут через их руки. Что касается каменного угля, там дела обстоят несколько иначе. Прямой монополии нет, но создана её видимость. Семья Чжао из Гаояна верховодит союзом из девяти купеческих гильдий, которые ведут дела на севере, в приграничье и в Западном крае. На юг же доходят лишь жалкие крохи. Сюда изредка забредают мелкие караваны, везущие уголь как сопутствующий товар, просто ради веса. Одной-двух телег местным жителям хватает на пару лет безбедной жизни, но для нужд кузнечного дела этого ничтожно мало.

Се Сяо не понаслышке знал, сколько горючего требует плавка металла. Настоящее

производство не запускается на день или два — на крупных рудниках плавильные печи гудят без остановки месяцами и годами.

А ведь в здешних горах обнаружили залежи не только железа, но и меди. Чтобы запустить работу хотя бы на полгода, скромных запасов мелких торговцев не хватит и на день. Это была капля в море.

— И они всегда привозят лишь по одной-две телеги? — уточнил Цзян Умянь.

Постоянные мелкие поставки разительно отличались от редких случайных привозов. Регулярный подвоз означал, что у купцов есть надежный источник товара, но они по какой-то причине опасаются везти его на юг большими партиями. Случайный же привоз говорил лишь о перепродаже излишков ради небольшой попутной наживы.

Се Сяо прищурился, когда на зубах у него захрустела та самая разрезанная надвое креветка — теперь стало ясно, почему этот хуньтунь выглядел несколько неказистым на фоне остальных.

— Именно, привозят от случая к случаю, — с улыбкой ответил он. — Но самое любопытное кроется в другом. Похоже, между этими мелкими торговцами существует негласный уговор. Они ведут учет дел по трехлетнему кругу: если за это время продажи каменного угля растут, то прибыль от иных товаров падает, и наоборот.

Это могло означать лишь одно: за спиной купцов стоит надежный источник угля, пусть его объемы и строго ограничены.

— Когда прибудет очередной караван, я непременно поговорю с их проводником, — задумчиво произнес Цзян Умянь. — А пока нам нужно ускорить работы в уезде Шаюань.

Негоже встречать заезжих купцов хаосом на дорогах: бродячие толпы беженцев, стоянки солдат и бесконечные стройки за крепостной стеной произведут дурное впечатление.

Впрочем, судья тут же поймал себя на иной мысли.

«А к чему вообще пускать чужаков в город? Куда разумнее устроить торговую слободу прямо за стенами уезда, избавив горожан от лишней суеты»

С другой стороны, окраины уезда еще не были обустроены. Проекты торговых рядов пока существовали лишь на бумаге, и до завершения строительства оставалось немало времени. Так что на первых порах придется вести торговлю в уездном центре.

Се Сяо мысленно перебрал в голове всё то, что уже успел совершить его младший брат: новые, ломящиеся от зерна закрома, спешно отстраиваемая улица Мира, расширяющийся лагерь строительных артелей за городом, первые шахты на медных жилах...

Се Сяо невольно лишился дара речи.

Прошло всего несколько месяцев с тех пор, как Цзян Умянь принял дела в уезде Шаоюань, а здешняя жизнь уже была ключом. Если он продолжит в том же духе, то вскоре здешним границам станет тесно, и Шаоюань попросту поглотит соседние земли!

<http://bllate.org/book/19045/1951773>